

Рудольф Штейнер

Европейское масонство и причины первой мировой войны

Из GA 174

Исторические рассмотрения. Карма лжи. Часть II

Пер. А.А. Демидов

**ЛЕКЦИЯ СЕМНАДЦАТАЯ
Дорнах, 8 января 1917**

Когда вследствие многочисленных пожеланий я решился говорить о некоторых вопросах из непосредственной истории современности, я настоятельно обращал внимание на то, что речь здесь должна идти о познании фактов, и не может быть и речи о том, чтобы заниматься здесь политикой или чем-либо связанным с политикой: я даже часто повторял это замечание. И всё же кажется, что среди нас всё снова проявляется беспечность, - чтобы не сказать иного слова, - по отношению к таким делам, и что не задумываются над тем, что есть необходимость соблюдать истину в самой форме её выражения, - если она высказывается столь интенсивно. Ибо, как кажется, то там, то тут об этих лекциях говорится в том смысле, будто бы здесь читаются политические лекции. Невнимательность по отношению к распорядку дня есть у некоторых наших членов, она господствует с давних пор - само собой разумеется, среди некоторых; я говорю только о тех, кого это касается. И всё, что говорится вследствие тревоги за наше дело, и повторяется всегда, оказывается в некотором направлении бесполезным. Можно с очевидностью заметить, что всё снова и снова обсуждаемые тут вещи своеобразным способом передаются тем, кто стоит вовне. Я ничего не имею против тех сообщений, которые держатся в разумных границах, но из разных публикаций, появляющихся в последнее время, к которым относится, например, исходящие со страниц *Фоллратчера* небылицы (*Гуго Фоллратчер, владелец теософского издательства, противник Р.Штейнера*-примеч. перев.), со всей очевидностью ясно, что эти вещи не всегда передаются так, как обсуждались они здесь, но, - вероятно из-за непонимания, - возможны самые ужасные искажения. Я хорошо знаю, что это происходит из нашей среды, и если я всё снова и снова молчу об этом и не выступаю против названных членов, которые ведут себя так, пытаясь делать выводы в том или ином направлении, - то это из любви к нашему общему движению и нашему Обществу. Ибо конечно невозможно, постоянно пресекать эти в некотором смысле тайные судилища. Но было бы вполне возможно, чтобы те члены, кто знает о таких вещах, взяли за это дело, и подобающим образом вели себя по отношению к таким членам, о которых могло стать известно, как они иногда относятся к духовному достоянию, даваемому здесь. При этом я ни в коем случае, - хотя порой и так бывает, - не хочу сказать, что тут всегда совершаются прямые моральные ошибки, но надо хоть немного

благоразумия относительно того, что делают. Кто хочет делать такие сообщения, должен был бы на основе, - так сказать, - правильного самопознания спросить себя: а так уж ли точно понял он эти вещи, что может сообщать о них? Однако необходимо всё снова время от времени обращать на них внимание. Это делается не без причины, можете мне поверить. В конце концов, можно дойти до полного умолчания об известных делах, и что тогда будет из нашего движения - очень легко предвидеть. Это инициируется теми членами, которые не могут отказаться от того, чтобы выбирать самые глупые обозначения для того или иного, что затем, само собой разумеется, ведет к ужасным искажениям. Нет необходимости в том, чтобы всюду, где каждый, не принадлежащий к нам может услышать, говорили о наших делах, выбирая при этом наименования, которые приятны кому-то, но не совпадают с теми намерениями, которые заложены в основу здесь.

Я должен констатировать: если там или тут для того, что я по многократным пожеланиям предоставляю здесь в качестве рассматриваний, обзоров, будут выбирать название «политические лекции», я должен буду рассматривать это как всецело личную атаку на меня самого.

После проведенных нами рассматриваний, которые были включены в лекции последних недель, сегодня возможно сделать некоторое обобщение, для того чтобы пролить свет на некоторые связи, знание которых может помочь нам понять современность. Сначала я попытаюсь весьма сухо, самым внешним образом описать произошедшие исторические события, чтобы потом на основе результатов, достигнутых в последние недели, указать на некоторые глубинные причины. Я хочу настоятельно заметить, что именно сегодня я попытаюсь в изложении тщательно взвешивать каждое слово, чтобы каждое слово определяло границы, в рамках которых должна будет выявиться представляемая концепция. Итак, прежде всего, я, как было сказано, хочу вкратце внешним образом сопоставить исторические события, точки зрения и импульсы.

Современные болезненные события наступили, как вы знаете, в связи с убийством австро-венгерского наследника престола *Франца Фердинанда* в июне 1914. За этим убийством по всей Европе последовала газетная компания, которая в различных, - я бы сказал, - выплёскивающихся волнах показала, до какой степени были раскованы повсюду известные страсти. Всё в целом привело тогда к известному ультиматуму, предъявленному Сербии со стороны Австро-Венгерской монархии, который в существенной части был Сербией отклонен. Так возник австрийско-сербский конфликт, который по инициативе ведущих австрийских государственных деятелей должен был состоять в военном вторжении в Сербию, без аннексии сербских областей, с единственным намерением посредством военного прессинга принудить Сербию к принятию ультиматума. Посредством ультиматума надо было воспрепятствовать распространяемой из Сербии агитации, направленной против целостности Австро-Венгерской монархии путем создания австрийской Югославии. Австрия охватывала целый ряд народностей - там имелось тринадцать признанных наречий, но гораздо больше племён, - в её южной части имелось славянское население; на западе по большей части словенско-славянское население, затем, гранича с востоком, население далматов, кроатов, словен, сербов,

сербско-кرواتов; затем различные группы населения, которые жили в части Боснии и Герцоговины в 1908 году аннексированной Австрией. Указанная часть много раньше была оккупированной Австрией областью. С этими австрийскими южными славянами граничит Сербия. Из Сербии, - Австрия полагала, что может это доказать, и эти доказательства для каждого, кто хотел их отыскать, находились повсюду, - исходила агитация, направленная на то, чтобы основать Южнославянское государство, оторвав южнославянское население Австрии. В связи с этим делом безусловно находилось покушение на Франца Фердинанда, причём по следующим причинам: Австро-Венгерская монархия с 1867 года была двойным государством, которое по не вполне точному выражению охватывало «представленные в государственном совете королевства и земли», и, как вторая область, «земли короны св. Стефана». К землям, представленным в госсовете, относились Верхняя и Нижняя Австрия, Зальцбург, Штейермарк, Кернтен, Крайна и Истрия, Далмация, Моравия, Богемия и Силезия, Голиция, Лодомерия и Буковина. К странам короны св. Стефана относилась, прежде всего, мадьярская область, сросшаяся с прежним Семиградьем, и тоже населённая различными народностями; затем Кроакия и Славония, которые имели ограниченную автономию в рамках Венгерского государства. Такова была эта двойная монархия.

Как известно, наследник престола Франц Фердинанд исходил из того, чтобы преодолеть недостатки двойственности Австро-Венгрии, и вместо двойственности установить тройственность. Тройственность должна была возникнуть из того, что принадлежащие Австрии южнославянские области должны были стать самостоятельными, подобно тому, как были автономными представленные в госсовете, (рейхсрате) королевства и земли, а также земли короны св. Стефана. Так вместо дуализма должна была возникнуть тройственность. Если вспомнить о том, чего хотел наследник престола Франц Фердинанд, то можно представить себе, что в случае осуществления, это привело бы к индивидуализации отдельных южно-славянских племен, к своего рода Южно-славянскому сообществу внутри австро-венгерской области. Тем самым был бы сделан один шаг к цели слияния, амальгамирования западных славян с западной культурой; это противодействовало бы тому, что в этих рассматриваемых называл руссизмом (Russizismus). Это было вполне возможно, так как Австрия имеет целиком федеративное государственное устройство, не централизованное; перед войной она имела тенденцию всё больше и больше давать отдельным народностям возможность федерализации. С 1867 по 1879 централизм отмирал; с 1879 централистские устремления можно было считать потерпевшими крах, и государство шло от централизма к федерализму.

Этому противостояло то, что исходило из Сербии как стремление основать Южно-славянскую конфедерацию под гегемонией Сербии. Это исходило не от сербского народа; я уже давал характеристику тому, как народ, в некотором смысле, просто вели посредством суггестии. Тем самым, конечно, южнославянские области должны были бы быть отторгнуты от Австро-Венгрии.

Тем самым я кратко резюмировал то, что легло в основу австро-сербского конфликта. Ибо в рамках того, что я пытаюсь выразить сейчас, нам придётся иметь дело с австро-сербским конфликтом. Можно думать, что этот конфликт мог бы быть «локализован», - это

слово я уже как-то употреблял. Тогда, - пусть это прозвучит гипотетически, - европейская война была бы предотвращена. Что произошло бы в том случае, если бы ограниченные претензии австрийских государственных деятелей осуществились? Часть австро-венгерской армии вошла бы в Сербию и оставалась там до тех пор, пока Сербия оказалась готовой принять тот ультиматум, посредством которого устранялась возможность образования Южно-славянской конфедерации под гегемонией Сербии и под верховным патронажем России. Если бы никакие европейские силы не вмешивались в это дело, если бы все поставили оружие к ноге, то есть не употребляли его, то последовало бы, ни что иное, как принятие этого ультиматума. Ибо были предоставлены гарантии того, что ни при каких обстоятельствах аннексия сербских территорий не будет иметь места. Следствием было бы то, что такие многократно повторяющиеся покушения, - ибо покушение на Франца Фердинанда было лишь завершением целого ряда покушений, спровоцированных сербской агитацией, - не могли бы происходить, а без такой агитации возникновение Южно-славянской конфедерации под верховной властью России не могло бы состояться. Если бы дело пошло так - это гипотетическое предположение, - оно никогда не дошло бы до этой войны.

Как связан этот австро-сербский конфликт с Мировой войной? Если хотят узнать об этой связи, надо посредством внешних отношений, - я бы сказал, - вникнуть в глубинные тайны европейской политики. Не политикой хотим мы заниматься, но провести перед своей душой то, что живёт в этой политике. Я хотел бы ответить вам на вопрос: как австрийско-сербский конфликт стал европейским конфликтом? Как связан австрийско-сербский вопрос с европейским вопросом?

Тут мы должны направить своё внимание на то, что я только что сказал о южно-славянской конфедерации. Эта южно-славянская конфедерация, независимая от Австрии, но связанная с Россией, так сказать, под русским верховным протекторатом была бы в интересах Британской Империи, причём тем больше, чем в большей степени эта Империя принимала осознанный облик. Именно создание, - как её тогда называли, - Дунайской конфедерации, под которой подразумевалась эта южно-славянская конфедерация, охватывающая южнославянские народы вместе с Румынией и включающая в себя австрийских южных славян, настоятельно иницировалось в тех сообществах, о которых я говорил. В девяностые годы 19 столетия повсюду в оккультных школах Запада, однако, под непосредственным влиянием британских оккультистов, мы находим указания на то, что такая Дунайская конфедерация должна возникнуть. Всеми средствами европейской политики пытались направить дело так, чтобы добиться возникновения такой Дунайской конфедерации с уступкой австро-славянских областей.

Почему эта, враждебная Австрии и дружественная по отношению к России Дунайская конфедерация должна была представлять интерес для Британской Империи? Те силы, которые интенсивно сталкиваются в последнее время вследствие возникшего по всему миру империализма, имеют наибольший вес в пределах рассматриваемых территорий, силы, которые живут, будучи в действительности крайне враждебны друг другу, хотя такая враждебность может быть документирована на внешнем уровне как дружба, как союз, - этими

силами является Британская Империя и Российская Империя. Если смертельно ненавидят друг друга, но всё же живут рядом друг с другом в мире, то, поскольку наша Земля имеет совершенно определённые свойства, из такого враждебного бытия друг с другом следует нечто вполне определенное. Отличительным свойством нашей Земли является то, что она круглая, шарообразная. Будь наша Земля плоскостью, распространяющейся всюду, такой конфликт не мог бы осуществиться. Но поскольку наша Земля имеет форму шара, то не только, выйдя откуда-то приходят назад, в тот же самый пункт, но дело обстоит так, что распространившиеся Империи сталкиваются в каком-то пункте, и что им приходится жить при наличии столкновения между их противоположными интересами. Это и происходит между Британской и Российской Империями, что, помимо всего прочего, выступает преимущественно в Персии, где имеет место жесткое столкновение. Вопрос состоял в том: должна ли Россия двигаться вниз против Индии, и там постепенно устанавливать границы с Британской Империей, или Британская Империя может поставить заслон?

Преследуя цели господства, можно делать это путём войны или другим образом, по мере того, что является тому или иному более благоприятным. Для Британской Империи наиболее благоприятным казалось в то время, - в случае государств, всегда надо считаться с временными рамками, - остановить движение России против Индии, и предоставить России другой канал для экспансии в другом направлении, для того, чтобы удовлетворить само собой понятное честолюбие Российской Империи, а ведь империи всегда честолюбивы. Вследствие этого случилось так, что допускали господство России над так называемой Дунайской конфедерацией. Так возникла непрямая заинтересованность Британской Империи в том, чтобы сделать Дунайскую конфедерацию как можно большей, поскольку славяне на юге хотели объединиться, и это чувство взаимной принадлежности возбуждалось так, как я вам только что объяснял. Итак, такая южнославянская конфедерация позволяла удерживать Россию, чтобы она не протягивала своих щупалец в других направлениях. Вот насколько в интересах Британской Империи было основание южнославянской конфедерации под господством России. Это была долгая история, которая готовилась длинными руками.

Так мы видим одну из нитей, посредством которой австрийско-сербский вопрос был связан с вопросом достижения мирового господства, ибо, вследствие вышесказанного, в это дело были втянуты отношения между Британской и Российской Империями. Речь тут идет не об Австрии и Сербии, но австро-сербский вопрос, само собой разумеется, ведёт к вопросу: должен ли был быть со стороны Австрии сделан шаг в сторону тройственности, вследствие чего южнославянской конфедерации пришлось бы оказаться от своих планов, или надо был бы сделать шаг в сторону русификации южнославянской конфедерации? - Тем самым австро-сербский вопрос сцепляется с европейским вопросом.

Если существует нечто подобное - а то, что сейчас было изложено, является вполне реальным, живущим в людях импульсом, - то это похоже на электрическое напряжение, которое должно когда-нибудь разрядиться. Итак, на одну из нитей мы, тем самым, указали.

Несомненно, есть более сильный вопрос: а если бы не существовало ничего другого, кроме того, о чём я только что говорил, привёл бы австро-сербский конфликт к Мировой войне? Было бы, в высшей степени невероятно, что этот конфликт мог до этого дойти, если бы не существовало чего-то другого. Но существовало достаточно иных импульсов, которые действовали на усиление. Прежде всего остального в рамках европейских отношений существовал франко-русский союз. С девяностых годов 19 века был заключён франко-русский союз, который, если рассматривать отношения объективно, был неестественным, насколько это возможно. Едва ли кто-то может сомневаться, что этот союз со стороны Франции был заключён из соображений снова вернуть себе Эльзас и Лотарингию; нельзя себе представить, что была какая-либо иная причина для заключения этого союза. Все другие причины говорили бы против заключения такого союза. Но, в конце концов, такие причины не играли особой роли относительно движущих импульсов, роль играло то, что такой союз существовал; ибо благодаря его существованию как таковому он являлся реальной силой: она была в наличии. Гораздо важнее, чем цель этого союза был тот факт, что он имел дело с одним западным и одним восточным государствами, которые по своей военной мощи представляли собой нечто огромное. Германия находилась между них; само собой разумеется, её военные силы были таковы, что по отношению к объединённым превосходящим военным силам Франции и России она постоянно чувствовала себя в опасности. Это блокада Германии между Западом и Востоком вследствие франко-русского союза стала движущей европейской силой.

Если хотят отыскивать дальнейшие импульсы, которые принимаются к сведению, надо обратить внимание на следующее: империализм последних десятилетий привел к общему стремлению к экспансии. Надо только увидеть, например, в каком огромном масштабе возросла Британская Империя. В отношении территориального расширения Франция в последнее десятилетие выросла несравненно больше, нежели выростала Франция в какое-либо прежнее время, когда она как говорили, маршировала на вершине европейской цивилизации.

События последнего десятилетия увязываются в единую цепь: вещи протекают так, что последующее не могло бы наступить без предшествующего. Ближайшим исходным пунктом, - само собой разумеется, можно было бы зайти и дальше, - является захват Британской Империей власти над Египтом. Такие вещи в современном мышлении находят своё оправдание в том, что говорят: свои владения, мол, надо было округлить и защитить. Это распространение английского господства над Египтом оправдывалось тем, что говорили о необходимости иметь сообщение с Индией. Надеялись приобрести и Аравию, чтобы могла существовать непосредственная связь с Индией.

То, что Британская Империя распространила свою власть над Египтом, уже было до некоторой степени заслоном против неприятного распространения Российской Империи на Запад; ибо такое распространение на Запад не могло слишком повредить Британской Империи, если существовала эта связь с Египтом и через Египет с Индией.

Но поскольку Земля круглая, и нельзя бесконечно находить всё новые страны, поскольку происходит взаимное столкновение, расширение одной империи с известной необходимостью производит желание у

другой также расширяться. И лишь как следствие британского господства над Египтом возникло расширение французского господства над Марокко, причём в два этапа, 1905 и 1911. Вследствие того, что произошло обоюдное признание такого расширения, - Франция признала британское господство в Египте, а Британская Империя признала французское господство над Марокко, - были тем самым протянуты нити для возникновения политического союза между французским и британским государствами. Но поскольку Германская Империя оказалась блокирована в середине, была попытка, как вам известно, образовать Тройственный союз: Германия- Австро-Венгрия-Италия. При этой выдаче Марокко и Египта и при том, что из этого следовало, удалось с помощью одного старого итальянского политика, хорошо посвященного в эти дела, привлечь на так называемую Альхесирасскую конференцию (Альхесирасская конференция 1906, состоялась 15 января - 7 апреля 1906 в Альхесирасе (Algerias, Испания) по инициативе Германии. Участвовали представители Австро-Венгрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Испании, Италии, Марокко, Нидерландов, Португалии, России, США, Франции и Швеции. Поводом к созыву Альхесирасская конференция 1906 послужил острый международный конфликт в 1905, вызванный франко-германским соперничеством в Марокко (см. в ст. Марокканские кризисы). На Альхесирасская конференция 1906 Германию поддержала лишь Австро-Венгрия. Конференция приняла решение о создании Марокканского государственного банка под контролем Великобритании, Германии, Испании и Франции, причём последняя получила наибольшую квоту в капитале этого банка; организация и руководство полицией в Марокко были возложены на Францию и Испанию. Вместе с тем Альхесирасская конференция 1906 формально провозглашала независимость султана Марокко, «целостность его государства», а также «свободу и полное равенство» в Марокко для всех наций «в экономическом отношении». Решения Альхесирасская конференция 1906 знаменовали дипломатическое поражение Германии, открыли Франции и Испании путь к завершению захвата Марокко и привели к известному упрочению англо-французской Антанты. - примеч. перев.) - удалось уже тогда втянуть Италию в сферу господствующих отношений западного франко-английского союза. После Альхесирасской конференции разумные люди в Средней Европе больше не верили в то, что Италия будет держаться за Тройственный союз. Для Италии по всему её поведению должны были наступить последствия французского захвата Марокко. Что и последовало: разрешение Италии закрепиться в Триполи. Но тем самым Италия получила в некотором роде разрешение от Запада вести войну против Турции. Так что из-за Египта последовало Марокко, из-за Марокко - Триполи; а поскольку вследствие Триполи турки снова начали слабеть, из-за Триполи последовала Балканская война. Эти события связаны подобно цепи, одно было бы немислимо без другого: Египет-Марокко-Триполи-Балканская война. Так как турки стали слабы вследствие италяно-турецкой войны, войны в Триполи, южнославянские народы, привлекая к себе других, поверили, что греческий народ достаточно силён, чтобы отвоевать для себя Балканский полуостров. Однако, вследствие этого тенденция к югославской конфедерации, которую я характеризовал

вам, соединилась с национальными претензиями Балканских стран. Сейчас обе эти цепи соединились, и вы найдёте, что Балканская война протекала так, что благодаря ней Сербия достигла особенно многого. Сербия стала очень сильной, несравненно сильнее, чем была она прежде. Вследствие этого были снова возбуждены идеи об основании югославской конфедерации под гегемонией Сербии и под протекторатом России. Отсюда та агитация, увенчавшаяся покушением против Франца Фердинанда, отсюда австро-сербская война. Теперь мы имеем в соединении оба члена. Австро-сербский вопрос был подключён к европейскому вопросу вследствие всего хода истории.

Люди, исследовавшие это дело, уже за многие годы видели в таких отношениях грядущую войну, как Дамоклов меч, нависшую над европейской культурой. Всюду, где обсуждали эти вещи, можно было бесчисленное множество раз услышать: отсюда ясно, что вследствие претензий России может возникнуть конфликт между Средней и Восточной Европой. - Этот конфликт был необходимостью. Никто, действительно изучающий историю, не станет говорить, что в основе этого конфликта между Средней и Восточной Европой не лежит ни одной, так сказать, духовной необходимости. Точно так же как в древности возник конфликт между романскими и германскими народами, так в новое время возник конфликт между Средней и Восточной Европой.

В какой форме он проявится, можно было варьировать самым разнообразными способами, но этот конфликт должен был возникнуть. Другие вещи, насколько встречаются они на Востоке, были вовлечены в этот конфликт.

Имея дело с претензиями руссизма, говорят себе: кое где выявилось нечто, приведшее к тому, чтобы Россия пустила в ход свои претензии, распространить своё господство на Балканский союз. Этого можно было ожидать. Вследствие географического положения должно было возникнуть столкновение между Россией и Австрией. В момент этого столкновения между Россией и Австрией должно было автоматически произойти всё остальное, - так говорили долгие годы все те, кто размышлял над этими вещами.

Как должна была складываться ситуация в случае нападения России на Австрию, с учётом существовавших союзнических отношений? - такой вопрос задавали себе. То, что Австрия сама атакует Россию, об этом, конечно, не думал никто, да и не мог так думать; Австрия была просто не в состоянии напасть на Россию. Итак, следовало ожидать, что эти вещи будут формироваться так, что Австрия будет атакована Россией. Прекрасно! Вследствие союза между Австрией и Германией, Германия должна стоять за Австрию и, со своей стороны напасть на Россию. Вследствие нападения со стороны Германии, - я сейчас рассказываю о том, что предполагалось, - вступал в действие русско-французский союз. Франция должна была на стороне России атаковать Германию. Вследствие условий, заключённых между Францией и Англией, - были ли они подписаны в качестве договора, или нет, - Англия должна была воевать на стороне Франции и России. Союзнические отношения и альянсы должны были действовать, так сказать, автоматически.

Эти события протекали не совсем так, как можно услышать ежедневно от тех людей, которые заботились о будущем Европы, но как

же протекали они? В сущности, они протекали следующим образом: история с ультиматумом, отклонения ультиматума, последовательное настаивание на принятии ультиматума со стороны Австрии я описывал. Что ещё не наступило, так это то, что европейские силы оставались безучастными; но сразу же обнаружилось, что Россия предъявляет претензии выступить в качестве протектора Сербии. Из-за этого стало невозможно думать о локализации австро-сербского вопроса. Со стороны Британской Империи поступали всевозможные бесполезные предложения, которые делают, если или хотят необдуманно вмешаться в события, или если заранее хотят провозгласить на весь мир о своём намерении уладить дело мирным путём: именно этого-то они не хотят, но хотят, чтобы позже можно было так сказать.

Поступило бесполезное предложение, как нарочно составить конференцию из Англии, Германии, Франции и Италии, чтобы принять решение по нависшему вопросу. Вы только представьте себе, что могло бы из этого получиться! Большинство должны были решать, справедливы ли австрийские требования к Сербии или нет. Пожалуйста, представьте себе такое голосование, которое происходило бы, но исходя из реальных условий! Италия испытывала внутренний упадок, Франция была на стороне России, Россия, само собой разумеется, была бы удовлетворена лишь в том случае, если бы Австрии было отказано в праве предъявлять свой ультиматум, Англия была за Дунайскую конфедерацию; за исключением Австрии большинством были бы Италия, Франция, Англия. Германия была бы, само собой разумеется, при всех обстоятельствах побеждена большинством голосов. Эта конференция не могла привести ни к чему иному, как только к тому, чтобы при всех обстоятельствах не было бы выполнено то, что по необходимости должна была требовать Австрия, исходя из своей позиции. Это значит, что хотя и можно было провести такую конференцию, она стала бы комедией; так как или Австрия должна была бы отказаться от своих требований, или, - что было бы достойно такой странной конференции, - должна была бы настаивать на принятии своего ультиматума. Итак, это предложение о конференции было чистым блефом, как говорят. Если же вы, напротив, точно исследуете документы, вы увидите, что с самого начала Россия выставила претензию по вмешательству в сербско-австрийский вопрос; и это или привело бы к войне по описанному выше автоматическому пути, или вследствие того, что была создана ситуация, которая с необходимостью вела к войне, что, в конце концов, одно и то же.

А такая ситуация была создана. Ибо среди различных импульсов вы должны принять к сведению совершенно определённое настроение. Может быть, ни одно мировое событие, ни одно историческое событие так не зависело от определённого настроения как именно это событие. Душевный настрой людей, которые принимали участие в разразившейся войне в конце июля 1914 года, являлся важнейшей причиной. В случае начала прежних войн, тоже, конечно, были побуждения, но они не врывались со столь ураганной силой, столь бурно, как факты между 24 июля и 1 августа 1914 года. В течение немногих дней лица, участвовавшие в событиях, были охвачены огромным возбуждением, в котором сконцентрировалось всё то, что в течение лет накапливалось как опасение перед грядущими событиями. И на это настроение необходимо обратить внимание. Кто не желает

обращать внимание на это настроение, то будет всегда заниматься пустой фразеологией.

Если хотят характеризовать это настроение, надо делать это с самых разных точек зрения. Но я хочу обратить внимание только на одну. Предшествующим было одно событие, хотя и непрямо, но очень сильно связанное с началом войны; его следует рассматривать наряду с другими европейскими событиями, если хотят правильно оценить его. Это принятый после Балканской войны проект немецкого закона об обороне, обеспечивший посредством одноразового крупного оборонного вклада увеличение немецкой армии. Это увеличение немецкой армии, которое, впрочем, в начале войны было проведено далеко не полностью, каждый может изучить в связи с результатами Балканской войны. Эти результаты как раз и показали, что в неопределённом будущем надвигается столкновение между Россией и Австрией. Только вследствие отношений, которые я здесь не хочу описывать, в 1913 году удалось воспрепятствовать уже тогда возможному нападению России на Австрию с целью приобретения протектората и контроля над Балканской конфедерацией. Увеличение немецкой армии последовало ни по какой иной причине, - как было сказано, сегодня я хочу, чтобы мои фразы были очень точными, - как только из-за угрозы столкновения с Востоком. Тем не менее, сразу же вслед за этим последовала французская реакция: раз Германия увеличивает свою армию, мы тоже должны сделать нечто для усиления армии. Но это означает ни что иное, как то, что для Средней Европы было судьбой, неизбежной необходимостью: заблаговременная подготовка в сторону Востока всегда вызывала усиление на Западе, что естественно вызывало ответную реакцию.

Именно так развивались тогда эти вещи. Именно всё то, что связано с этим проектом оборонного закона после Балканской войны, создавало страшную тревогу в Средней Европе, так как было видно, что вся периферия Европы направлена против Средней Европы. Разница была лишь в том, что некоторые верили, будто бы Италия несмотря ни на что будет каким-либо образом сопутствовать Средней Европе, хотя другие больше уже не предполагали и этого.

Всё ещё можно было думать, - гипотетически, - что Мировая война не разразится. Но это могло бы произойти лишь при условии, что Россия не будет сразу же отвечать угрозой военного наказания, то есть мобилизацией, которая при существующих условиях означала угрозу военного наказания. Для Средней Европы нельзя было и думать о том, что Франция не сможет пойти с Россией, но следовало считать, что нападение последует на двух фронтах. По отношению к такому нападению у ответственных лиц могла тогда возникнуть лишь одна мысль - каким-либо образом парализовать его. Никто из тех, кто был ответственным за это дело, не мог даже помыслить: мы можем в течение четырнадцати дней проводить конференцию! - Не говоря о том, что на такой конференции ничего не могло произойти, как я вам показывал, это означало бы верное поражение. Но нельзя же было заранее рассчитывать на неизбежное поражение. Была единственная возможность посредством быстроты уравновесить огромное военное превосходство Запада и Востока.

Но осуществить это никаким другим путём, кроме как, - как я вам уже указывал, - путём нарушения международного права, а именно

посредством прохода через Бельгию. Другим путём было невозможно достичь чего-либо другого, как только использовать большую часть немецкой армии на Западе в долгой оборонительной войне и получить интервенцию с Востока. Тут наступил как раз тот самый исторический момент, когда, - можно считать это более или менее разумным или неразумным, - ради самосохранения государство было вынуждено пойти на нарушение права. Те, кто несет ответственность за государство, не могут сделать ничего иного. Однако, - как сказано, я сегодня взвешиваю каждое моё слово, так что они четко очерчены, - в Средней Европе для многих людей, которых это касалось, было в высшей степени неприемлемо встречать (противника) на двух фронтах.

Так была предпринята попытка обойтись по возможности одним фронтом. Аккуратная, по крайней мере, казавшаяся аккуратной попытка была предпринята, чтобы нейтрализовать Францию. Причинять что-либо Франции тогда не думал в Средней Европе ни один человек. Можно заявить с чувством большой ответственности: никто не хотел что-либо причинять Франции, никто в Германии. Что происходило потом, происходило из соображений как можно скорее разделаться на Западе, чтобы защититься от интервенции, грозившей с Востока. Поэтому можно только постоянно удивляться, что в мире так много говорилось о терроризме, развитом со стороны Германии по отношению к Западу. Весь терроризм был бы устранён, если бы Франция объявила о своём нейтралитете.

Франция имела средства, чтобы защитить себя и Бельгию от любого нападения. То, что Франция была вынуждена соблюдать свой договор с Россией, это дело Франции, это не учитывают, если говорят о терроризме Германии; ведь союзы других государств неприемлемы для государств, враждебных первым.

Так как было невозможно нейтрализовать Францию, была предпринята попытка сделать это при посредстве Англии, но ничего достичь не удалось; я уже неоднократно касался этих отношений: как Англия тоже держала в своих руках спасение Бельгии и точно также спасение Франции. Эти вещи надо конкретно и объективно принимать к сведению. Ибо я прошу вас рассматривать как совершенно объективное следующее утверждение: после того, как война между Австрией и Сербией не была локализована, ибо этого не допустила Россия, все усилия были направлены на то, чтобы по крайней мере не дать ей вторгнуться на Запад. Люди в Средней Европе поистине не были охвачены безумием, чтобы желать сражаться на двух, или позднее даже на трёх фронтах.

Но в наше нынешнее время не стоит удивляться тому, что всё остальное было прибавлено как мировая неправдивость; в наше время можно каждый день заново удивляться тому, как всё говорят, пишут и публикуют. Перед тем, как придти сюда, я нашёл лежащую на моём столе брошюру одного участника дебатов с *Георгом Брандесом* о нейтралитете. С английской стороны это был Уильям Архер, в чьей брошюре можно прочитать о сопоставленных друг с другом черных гнусностях Германии и полнейшей невинности «the Allies» то есть Антанты. Для сопоставления черных гнусностей Германии и ангельской, полной невинности Антанты здесь приводится десять пунктов; но достаточно обратить внимание лишь на один, второй пункт: во втором пункте в отношении Германии говорится, будто бы там

имеется значительная партия, которая открыто агитирует за дальнейшую территориальную экспансию, будь она в Европе или вне её. Этому противопоставляется со стороны Антанты - на английском языке: Антанта не имела ни малейшего желания каких-либо территориальных экспансий, тем менее за счёт Германии; даже чувство Франции по поводу Эльзаса и Лотарингии было исключительно миролюбивым.

Мои дорогие друзья, в наше время многое можно напечатать и сказать! Другие девять пунктов имеют ту же самую окраску. Когда представляют себе, что произошло в последние десятилетия как экспансия со стороны Англии и Франции, а затем читают: эти страны не имели желаний в отношении территориальных экспансий. - Это только сегодня стало вполне возможно говорить и печатать то, что прямо противоположно истине, да так, что люди этому верят, бесчисленное множество людей этому верит.

Так обстоят эти дела чисто внешне, исторически. Надо, однако, сопоставить этот внешний исторический ход с тем, что преподносится нам, если мы знаем, какие импульсы с Запада действовали на протяжении долгого времени. Ещё не со всеми теми импульсами, которые в большей или меньшей степени служат оккультным силам, и которые обсуждались, имеют дело, если указывают только, - я мог бы сказать, - на наиболее внешние интриги этих оккультных импульсов: на масонство. Ибо посредством западного масонства, как вы видели, делается многое. Я говорил вам: в этих делах надо считаться с долгим промежутком времени.

Давайте, в соответствии с той точкой зрения, которую я развивал вам, обратим внимание на то, что современное масонство в Англии, само собой разумеется, построенное на более раннем, консолидировалось в начале 18 столетия. Внутри Британского государства, не Империи, но Соединенного королевства, масонство оставалось в существенном таким, - я хотел бы, чтобы выразаться точнее, сказать, - что оно преследовало весьма уважаемые интересы. Но повсюду в других местах, во многих местах вне самого Британского государства, масонство исключительно или главным образом преследовало политические интересы. Такие политические интересы в самом ярко выраженном смысле преследовались «Великим Востоком Франции» ("Grand-Orient de Frans"), а также и другим «Великим Востоком» ("Grand-Orients"). Можно сказать: какое отношение к англичанам имеет то, когда в других странах политические тенденции преследуются известным масонским орденом, имеющим оккультные подосновы? Сопоставьте, однако, с этим такие факты; первая высокоградуированная ложа в Париже была основана из Англии, не из Франции! Не французы, но британцы основали её; они лишь затянули французов в свою ложу, подобно нитке в иголку. Сопоставьте с этим то обстоятельство, что уже, примыкая к этой ложе, основанной из Англии в Париже в 1725 году, затем в 1729 самим Гранд-Ориентом было санкционировано первое основание соответствующей ложи в Париже. Затем последовало, опять-таки из Англии основание в Гиблартаре 1729, Мадриде 1728, Лиссабоне 1736, Флоренции 1735, Москве 1731, Стокгольме 1726, Женеве 1735, Лузанне 1739, Гамбурге 1737. Я мог бы и дальше продолжить это перечисление; я мог бы показать вам, как в качестве одной сети, хотя и иного характера, нежели в Британском

государстве, эти ложи были основаны как внешний инструмент известных оккультно-политических импульсов. Наряду с радикальными переменами, которые обнаруживались исторически в фуре яacobинцев, политических делах карбонариев, кортесов в Испании и в других подобных связях, они играли сильную роль в культурно историческом развитии и пускали побеги, которые можно исследовать вплоть до трудов великих мыслителей того времени. Можно напомнить о натурфилософии Руссо, о становящейся всё циничнее, но, всё же действующей в духе Просвещения критической философии Вольтера, напомнить об усилиях иллюминатов желающих преодолеть тогдашний цинизм, и других подобных кругах. Эти прогрессивные круги были растоптаны реакцией и подпольно продолжали действовать дальше в разных формах. Тут вы имеете первоначальный источник многого, что я уже характеризовал вам. Но вы должны по достоинству оценить то, что говорят сегодня английские масоны: посмотрите на наши ложи, они вполне приличны - а другие нас не касаются. Однако если посмотреть исторические связи и движущие силы в изменчивой игре направленные друг против друга, то в целом это и есть скрывающая себя за ними высшая британская политика.

Если спрашивают о глубинных причинах этой политики, то, чтобы понять это дело надо немного взять на помощь новую историю. С 17 столетия, - а подготовка началась уже с 16 столетия, - она исходит из демократизации, когда в одной стране с большей, в другой - с меньшей скоростью, власть отбирают у меньшинства и распространяют её в большую массу. Я не занимаюсь политикой, поэтому не буду высказываться ни за, ни против демократии или за или против чего-либо другого; я только хочу предоставить факты. Движение за демократию идёт в новое время в более или менее ускоренном темпе, так что при этом образуются различные течения. Но было бы ошибкой всюду, где выявляются многие течения, исследовать лишь одно. Течения эти протекают по миру так, что всегда одно является дополнением другого. Я бы хотел сказать: зелёный и красный поток бегут рядом друг с другом, при этом окраска не означает ничего оккультного, но должна лишь свидетельствовать о том, что эти два потока бегут рядом друг с другом. Однако люди обычно бывают, я бы сказал, как под гипнозом, смотрят лишь на один поток, а параллельного исторического потока не видят. Если курице прижать клюв к земле и провести линию, то она, как известно, побежит вдоль этой линии. Так и люди сегодня, особенно университетские историки, рассматривают всегда только одну сторону, и потому не могут действительно понять ход истории.

В качестве течения, идущего параллельно демократическому, имеет место использование оккультных мотивов в различных орденах, разделённых на масонские ордена. По своим намерениям и целям они не являются духовными, но, скажем, развивают духовную аристократию параллельно демократии, действовавшей в период французской революции; развивают аристократию лож. Если в нынешнее время человек желает ясно видеть то, что открыто выступает в мире, и хочет понять его, он не должен дать ослепить себя демократической логикой, которая правомерна лишь в его собственной сфере, ослепить себя фразами о демократическом прогрессе и так далее; он должен указывать на то маленькое «приложение», которое реализуется в

устремлениях создать меньшинству господство с помощью средств, которые имеются в недрах лож, в ритуале и его суггестивном воздействии. Вот на что необходимо также указывать.

В материалистическую эпоху делать это разучились, но до пятидесятых годов на эти вещи люди уже указывали. Раскройте философских историков до 1850, и вы увидите, что они указывают на связь с ложами как французской революции, так и всего дальнейшего развития. В то время, которое рассматривается как подготовительное для современности, ни западное историческое развитие, ни западный мир никогда не были эмансипированы от лож. Влияние лож всегда было сильно действующим, система лож умела находить каналы, чтобы напечатлеть человеку мысли известной направленности. И если человек запутывался в такую сеть, откуда я показал вам лишь отдельные петли, отдельные трюки, то надо было только нажать на кнопку, и дело шло дальше.

Эмансипация от всех этих отношений, возможность утвердить себя на объективных чисто человеческих началах появлялась лишь благодаря влиянию великой духовности, которая развивалась в Лессинге, Гердере, Гёте и далее вплоть до немецкой философии. Тут вы имеете некий духовный поток, - достаточно только у Гёте обратить внимание на «Сказку о зеленой Змее и прекрасной Лилии», - там принимается в расчет всё то, что жило в ложах, но так, - вы могли бы прочесть эти вещи в «Странствиях Вильгельма Мейстера» и других сочинениях Гёте, - что эти тайны извлекаются из мрака лож и становятся чисто человеческим делом. Это был материал, с которым можно было эмансипироваться, материал, который ещё и сегодня делает возможным такую эмансипацию. Поэтому смотрите на всё немецкое духовное развитие по отношению к той части, которую я описал в моей книге «О загадке человека», как на забытый отзвук, совершенно независимый от всех махинаций системы лож.

Вы всюду в рамках западной культуры последних столетий, предшествовавших современности, сможете найти пути, на которых можно указать следы мыслей эзотерического мира, сделанные благодаря эзотерике лож. Само собой разумеется, это не относится ко времени до Елизаветы, до Шекспира; но к тому, что было позднее, это относится. Немецкая духовная культура, примыкающая к Лессингу, Гердеру, Гёте находится уже вне такой связи. Вы можете сказать: но ведь есть и немецкое масонство, - в Австрии оно, как известно, запрещено, там его нет, - есть и венгерское масонство. Но эти не позволяли себе действовать вместе с другими. Это довольно безобидное Общество; оно хотя и тесно работает со своими тайнами, но только на словах. Те реальные, мощные импульсы, которые исходят с той стороны, и которые я описал вам, вы, вероятно не найдёте в немецком масонстве, к которому мне не хотелось бы подступать слишком близко; поэтому можно легко понять, как могут проявляться некоторые очень странные вещи. Представьте себе, что кому-то пришлось бы на ум высказывать в Германии те вещи, которые я говорил вам об орденах, их тайных связях и их чисто внешних махинациях, о масонских ложах. Это могло бы быть очень полезным, высказать там эти вещи, но что бы из этого произошло? Само собой разумеется, стали бы компетентно спрашивать, - а компетентными в таком случае являются сами масоны, - как обстоит дело; но ни одному масону в Германии не пришлось бы в голову говорить

нечто иное, как только то, что английские ложи совершенно не занимаются политикой. Они занимаются лишь теми вещами, которые исключительно респектабельны. – Это он знает; другого он как раз не знает. Можно даже, как это происходит, получить в ответ при упоминании того или иного имени: да его нет в списках масонов. – Они имеют списки, но не сознают того, что, может быть, наиболее важные люди не включены в список. Короче, немецкие масоны – это довольно безобидное общество.

Однако при этом остаётся только признать, – и это говорится без какого-либо высокомерия, без какого-либо национального аллюра, – что духовная жизнь, насколько она культивируется некоторыми западными оккультными братствами, на самом деле происходит из Средней Европы. Обратитесь к трудам по истории. Роберт Флудд: последователь Парацельса; Сен-Мартен во Франции: последователь Якоба Бёме. Если вы ищите первоначальный источник самого движения, то вы имеете их в Средней Европе. С Запада приходит организация, разделение на градусы – некоторые западные ложи подразделяются на девяносто два градуса, представьте себе, на какую высоту они подняты, есть люди с девяносто вторым градусом! – с Запада приходят использование этих вещей в политическом смысле и смесь некоторых показных формальностей.

Теперь мы снова имеем пример того, что действительно характерно, и на что я уже обращал внимание. Я описываю всё это лишь для того, чтобы вы могли обратить внимание на объективное положение дела, поскольку эти естественные исторические дела описываются не ради какого-либо национального аллюра. Я обращал ваше внимание на появившуюся сейчас книгу сэра Оливера Лоджа, в которой он передает сообщения своего сына, погибшего на поле сражения, сообщения, которые он получил благодаря различным медиумам. Книга такого замечательного учёного без сомнения производит большое впечатление. Мне не надо, после того, как я получил эту книгу, отказываться от того, что я сказал вам некоторое время назад. Я сказал, что буду вновь говорить об этом деле. Самое сильное доказательство, которое даёт сэр Оливер Лодж, следующее: были проведены сеансы с разными медиумами и душа павшего на поле битвы, умершего Раймонда Лоджа проявила себя. Другие сеансы не свидетельствовали ни о чём, чего бы не знал каждый, кто знаком с этими вещами; они не производили особого впечатления. Но один факт произвел большое впечатление на крупного учёного сэра Оливера Лоджа, на его семью, которая до тех пор была очень скептически настроена по отношению к таким вещам. На одном сеансе говорили о групповом снимке, на котором вместе с другими был сфотографирован сын Оливера Лоджа. Этот групповой снимок, который потом даже неоднократно делали повторно, описывали так, что находящиеся на нём лица видны на том же месте, но на новых снимках размещены иначе; так что видели всегда одних и тех же персон, но с различными жестами. Этот групповой снимок с Раймондом Лоджем был описан с помощью медиума на сеансе, проведенном в Англии. Однако ни сэр Оливер Лодж ни его семья ничего не знали об этой фотографии, так как она была сделана в последний период жизни Раймонда Лоджа на француско-бельгийском фронте; Раймонд Лодж послал её своим близким, но она ещё не пришла. Так с помощью медиума была описана

групповая фотография которая существовала, но была неизвестна семье, то есть участникам сеанса; они познакомились с ней, но уже после того, как она была описана медиумом.

Конечно, для дилетантов в оккультизме это было нечто крайне ошеломительное; ибо, что можно было подумать, если описывается снимок, групповая фотография, которая не была известна в той местности и месте, где состоялся сеанс. Ни семье, участникам сеанса она не была известна; само собой разумеется, что медиум тоже не знал её, так как она ещё не пришла в Англию, она была ещё в пути. Она пришла позднее. И, тем не менее, было дано точное описание того, где сидит Раймонд Лодж, где сидят остальные, даже, как он положил руку на плечо одного друга. Что могло быть убедительнее, чем это?

Но, видите ли, так как интерпретировал эту вещь сэр Оливер Лодж, это могли сделать только дилетанты в оккультизме. Ибо сэр Оливер Лодж не знал ничего особенного, только исследовал литературу, например *Шуберта* и подобных ему людей, которые в Германии ещё писали кое-что о таких вещах в первой половине 19 столетия; так он нашел многочисленные примеры того, что хорошо известно каждому настоящему оккультисту: то, что при погашенном сознании можно видеть будущее. Простейшим случаем видения будущего является то, когда кто-то в припадке сомнамбулизма видит похоронную процессию, которая на самом деле состоится через пару дней; данный человек ещё не умер, а кот-то уже видит похоронную процессию. Так видят будущее. Это нечто вполне обычное при погашенном сознании. Теперь подумайте о том, что произошло: фотография была сделана во Фландрии, фотография находится на пути в Англию; должен был наступить момент, когда фотография попала им на глаза и была ими осмыслена, когда ближние уже имели её в своих мыслях. Это и увидел медиум как образ будущего. Предсказал ли человек, что видел похоронную процессию, предсказал ли он, что семья получит однажды групповую фотографию с их сыном, фотографию, на которой все будет так то и так то, - это, в сущности, точно то же самое явление. Это всего лишь предсказание будущих событий. Это один феномен.

Если бы человек знал кое-что о настоящих оккультных фактах, он бы не мог дать такую интерпретацию. Но вся эта интерпретация реализовалась потому, что оккультные ценности, оккультные законы воспринимались на материалистическом уровне, что человек не хотел содействовать тому развитию, которое во внутренних процессах охватывает духовный мир; он хотел иметь перед собой спиритуальное чисто материалистически, как в лаборатории. Это и есть материалистическое огрубление спиритуального, которое произошло также и с сэром Оливером Лоджем. Но это всего лишь один пример того сорта, как сейчас обращаются со спиритуальным. Эти вещи можно наблюдать, если посмотреть, как идут они дальше от Парацельса к Флудду, От Якоба Бёме к Сен-Мартену; повсюду здесь имеет место материалистическое огрубление, материализация.

Мы, как Антропософское Общество тоже смогли спастись от материалистического огрубления, от материализации лишь благодаря тому, что эмансипировались от Теософского Общества. Ибо в социальные действия глубоко внедряются импульсы, исходящие от тех объединений, как я вам их характеризовал. Само собой разумеется, я снова даже должен просить вас, не понять меня неправильно. Я не

говору, что это заложено в само собой понятном характере западных народов; но это имеет место и оказывает влияние на ход истории. Дело совершается не без влияния на ту неправдивость, которая воздействует теперь ужасающим образом. Я просто обязан направить ваше внимание особенно на эту неправдивость, ибо эта неправдивость, эта ложь выступает таким образом, что она всё время принимает форму жалоб, обвинений других. Чем является печальная «Сильвестерская нота» (имеется в виду «Сильвестерский сюрприз»: совместная нота от 31 декабря 1916 г. десяти больших и малых государств Антанты президенту США Вудро Вильсону в качестве ответа на его «Призыв к миру» от 18 декабря 1916 г. Нота содержит в том числе следующую фразу: «Исторические факты в настоящее время подтверждают наступательную волю Германии и Австро-Венгрии в целях обеспечить себе преимущественное господство в Европе и экономическое господство во всём мире.» - примеч. перев.) - чем является достойная сожаления «Сильвестерская нота», как не подготовленной с извращением фактов жалобой; она извращает точно также, как и то, что было зачитано мною от мистера Архера. Однако видно, как эти вещи, получив доверие, начинают играть свою роль. И если пройдёт ещё несколько недель, люди будут забывать о непонятой миром возможности достичь мира, - случилось так, что она была сорвана силами периферии; люди в Европе снова начнут верить в то, что мирные предложения были отклонены Антантой из любви к людям, высшей гуманности; отклонены со странной мотивацией: - что стремясь к миру, надо ему препятствовать. Но даже такая гротескная неправдивость находит сегодня веру. Ито, что этой неправдивости могут верить, касается распространения того оккультизма, который я вам описал. Ибо, в сущности, злейшая коррумпированность, продажность души, состоит в том, когда рядом друг с другом пишут фразы подобные, как я вам сообщал, чёрной и белой воронам. Однако, эта душевная коррупция возникает в той атмосфере, где действует те организмы, которые я отобразил вам.

Однако в этом отношении, - это можно сказать со всей объективностью, - в Средней Европе существует тенденция к эмансипации. Всё, что проявилось как средневропейская духовная жизнь от Лессинга, Гердера. Гёте и так далее, - это вы в достаточной мере видели из различных сообщений, даваемых по ходу нашей антропософской жизни, - всё это расположено к тому, чтобы постепенно развиваться в сторону спиритуальных миров; но не расположено на продолжительное время заключать какой-либо компромисс с тем, что живёт в тех течениях Запада, которые я характеризовал вам. Это невозможно. Вот почему эти вещи выступают иным образом. Вернёмся к *Фихте*, которого на Западе сегодня уже ругают, к его «Речам к немецкой нации». Какая цель предстояла перед глазами Фихте? Самовоспитание немецкого народа! Он не хотел, чтобы посредством его «Речей к немецкой нации» были затронуты другие, но говорил о том, что немцы должны понять, что они должны самих себя сделать лучше. Однако истинное, назовём его «гениальностью», - именно то, что возникло в Германии, - было понято неправильно. Точно также как из простодушной, ничего не значащей песни «Deutschland, Deutschland ueber alles» - которая не означает ничего иного, - надо только прочесть следующие строки, - кроме любви к отечеству, ибо

здесь приведена всего лишь часть отечества, - из этой простодушной песни сделали гротеск, так и Фихте можно при желании понять неправильно, поскольку он начинает свои «Речи к немецкой нации» следующими словами: « Я говорю просто для немцев и от просто немца». Но почему он так сказал? Потому, что Германия (была) раздроблена на свободные маленькие индивидуальные государства, и он не хотел говорить к пруссам, швабам, саксонцам, и, насколько я знаю, ольбденбургцам, мекленбургцам, австрийцам и так далее: он хотел говорить к немцам. Обобщить эти индивидуальности, - вот о чём у него шла речь. Итак, это было дело, которое он делал с самими немцами Я не хочу хвалить немцев, но ради характеристики можно приводить такие вещи.

Сегодня я привожу эти вещи, поскольку наметилась тенденция говорить в центре иным тоном, нежели на периферии. И если нашему антропософскому делу отчасти присущ этот другой тон, то и среди нас можно кое-что сказать. Как раз сегодня я получил одну брошюру нашего друга Людвиг фон Польцера, который работал здесь. Людвиг фон Польцер: «Наблюдения во время войны». Видите ли, это очень интересно, - согласитесь ли вы вплоть до подробностей или нет с тем, что говорит наш друг Польцер, его мало занимает нападения и ругань относительно других, зато, однако, он очень журит своих австрийских соотечественников. Он думает, прежде всего, о том, чтобы говорить, обращаясь к ним. Само собой разумеется, что он по своей карме австриец, но своим австрийским соотечественникам он читает нотации. Тут мы не читаем: мы, мол, невинны, мы никогда не делали того или иного, мы всегда - белые ангелы, а все остальные - чёрные черти, - нет, там читают следующее:

«Почему человечество ненавидит и терзает самоё себя? Действительно ли существуют такие внешнеполитические различия во мнениях, чтобы делать необходимыми страдания так многих людей? Борющиеся партии полагают, что знают, ради чего это происходит, но ничего не знают о действительности.

Погибающая, декадентская культура ведет эту свою смертельную борьбу. - Центральные государства, которые борются за первые ростки чего-то нового, ещё не знают его, они борются за то, что ещё им неизвестно, и сами ещё целиком проникнуты тем образом мыслей, против которого их солдаты проливают кровь на войне.

Вырождающаяся старость должна быть извергнута, и потому видно, как мощно разрастается она напоследок. Но разве у нас мы не встречаемся с ним на каждом шагу, - с образом мыслей Антанты, носительницы старой декадентской культуры? - Разве он не заразил и нас? - В области моды эта старая культура перенесена в закоулки, она воплощается в архитектурном стиле, выглядывает из рекламы, в хозяйственной жизни она устраивает оргии, она побуждает к чванству в организационном безумии и бюрократии, в ложном тщеславном гуманизме она обманывает самое себя, пресса стремится превознести у своей подруги-Антанты любовь к истине, и так далее.

Такова она для нас, эта Антанта: как она бушует и отдыхает в собственных странах и задаёт работу для храбрых солдат и соотечественников, из которых почти уже все погибли жертвенной смертью. Все что тут отвращает, бурно разрастается и у нас - в последний раз перед гибелью, - все это не немецкое».

Итак, то, что он порицает в отдельных странах, он называет «не немецким». Он в первую очередь обращается к совести своих соотечественников.

Это хорошо, что это преподносится, будучи созвучным с нашими устремлениями и в связи с ними. Мы не можем быть согласны со всем, - фраза за фразой, - что выступает среди нас. Было бы прекраснейшим достижением именно то, чтобы мы самостоятельно перерабатывали всё, что мы сохраняем посредством своей индивидуальности, что мы не принимаем как догму, или на основе авторитета. Вещи, которые должны получать признание, должны быть таковы, чтобы получать это признание благодаря самим себе, а не посредством авторитета. Однако мы должны единодушно стоять вместе, если нашему Обществу суждено иметь смысл. К этому, конечно, относится и то, что мы обращаем внимание на происходящее среди нас, что мы воздаём некоторую признательность тем, кто идёт вместе с нами и кто прилагает усилия для того, чтобы то, что происходит в нашем Антропософском Обществе, выносилось в мир таким образом, чтобы оно было действительной интенцией нашего Общества. Именно разумная проработка импульсов времени с нашей точки зрения является тем, что мы можем сделать, для того, чтобы помочь этому времени. Мы не должны терять мужества, если вещи развиваются столь неблагоприятно; ибо, если на этом временном отрезке дела становятся столь фатальными, мы можем вспомнить мысль Лессинга: да разве вся вечность не моя? - мысль, которая подходит к каждому отдельному человеку.

В отношении правильной оценки и полезности того, что среди нас осуществляется, мы должны, я бы сказал, усвоить себе добрые нравы. В этой связи я смею, не желая говорить кому-то что-либо неприятное, всё же упомянуть кое-что. Журнал «Das Reich» Александра фон Бернуса прилагает все усилия к тому, чтобы двигаться в русле нашего течения. Что из того, если кто-то согласен или не согласен с той или иной статьёй в этом журнале? Можно ведь быть по-хорошему не согласным со многим. Однако со стороны наших членов именно в области данных устремлений делается много ошибок. Когда человек видит, как со всех сторон раздаётся ругань, он может сказать, что действительно неправильно - бросать камни на дорогу тем стремлениям, которые честно соответствуют смыслу нашего направления. Конечно, каждый может сформировать своё суждение о тех домыслах, которые Александр фон Бернус сделал в дополнение к известному оккультному учению, которое является центральным для нас. Но то, что из среды наших членов большим потоком поступают грубые письма, я считаю совершенно излишним. Ибо куда мы придём, если плохо относимся к тому, что выступает за нас, а о том, где нас ругают, как правило, заботимся очень мало и позволяем этим людям спокойно ругать нас?

По этому поводу я бы хотел обратить ваше внимание на этот журнал «Das Reich», который прилагает усилия способствовать нашим устремлениям, так как на вопрос, который может быть поставлен: а что же мы можем сделать? - я хотел бы ответить: для этого и предпринимаются эти рассматривания, чтобы дать ответ! - Что мы можем сделать? К современным обстоятельствам мы можем приложить понимание их в смысле нашей антропософски ориентированной духовной науки! Ведь чем была бы для нас эта духовная наука, если бы мы не были в состоянии преодолеть позицию человека, который в

настоящее время во всех областях Европы говорит о честолюбивых национальных претензиях и тому подобном и формирует события в смысле этих честолюбивых национальных претензий. В рамках Общества, которое служит антропософски ориентированной духовной науке, никто не должен становиться неверным сыном своего народа или отречься от того, отчего он отречься не должен, поскольку он скован с определённым народом вследствие своей кармы. Но никто не является настоящим антропософом, кто закрывает глаза в отношении чудовищных событий, происходящих в современности, даёт себя оглушить всем тем оглушающим средствам, которые используют сегодня некоторые власть имущие, чтобы не быть вынужденными сказать, к чему они, в сущности, стремятся. Поэтому позвольте указать на то, во что легко поверить, если это доходит до нас в сентиментальной форме, в то время как по сей день за кулисами должны оставаться скрытыми те оккультные события, которые всегда скрывались за кулисами, за которыми эти оккультные события разыгрывались.

Ибо нам должно быть ясно, что снова могут наступить времена, - я очень осторожно подбираю теперь мои слова: итак, я говорю - могут наступить времена, когда, поскольку совсем не желают мира, борьба может принять ожесточенный характер, возможно, более жестокий, чем это уже было, если с какой-либо стороны не выступит нечто, чтобы препятствовать этой жестокости. Тогда снова появится возможность говорить о жестокости Средней Европы; тогда под хламом и развалинами будет погребен тот факт, что жестокость это могла бы быть приостановлена, если бы на мирные предложения не отвечали бычьим рёвом. Установление мира находилось в руках периферийных сил. Но придёт время, - совершенно не исключено, что такое время, несмотря ни на что, придёт, - когда снова будут говорить: немцы совершили то-то и то-то против международного права.

Да, мои дорогие друзья, тот, кто окружен и блокирован, того окружившие будут упрекать в том, что он защищался со всех сторон, после того, как его к этому принудили; будут игнорировать, что он делал то, что принято делать, будут видеть в этом нечто чудовищное. Поэтому рядом со всем тем, что, например, могло произойти в Бельгии, надо ставить и тот факт, что всёму произошедшему в Бельгии могла воспрепятствовать Британская Империя.

Вот почему очень грубо звучит и остается неправдивостью то, когда говорят о жестокости в Бельгии, и не обращают внимания на то, как легко можно было бы препятствовать этому с английской стороны.

И конечно, просто, само собой разумеется, будут переживать трагическую судьбу Франции, но ведь от Франции зависело, участвовать ли ей в этой войне. Армия была не в состоянии вести бесполезную оборонительную войну, после того как стало видно, что Франция при всех обстоятельствах будет участвовать. Легко говорить, что можно было бы просто стоять друг против друга на границах; это было невозможно, поскольку русско-французкий милитаризм намного превосходил то, что называют прусским милитаризмом.

Видеть эти вещи в их правдивости мы можем, несмотря на принадлежность к одной или другой группировке: я не говорю «должны», но можем. Если мы это проработаем и сделаем содержанием нашей жизни, тогда каждый на своём месте сможет выполнить то, что

ему хотелось бы делать, когда он ставил вопрос: а что может сделать отдельный человек? - Если не найдётся всё больше и больше людей, лелеющих мысль о том, чтобы желанию войны, питаемому скрыто действующей властью, противопоставить общее европейское сопротивление, тогда крушения европейской культуры не избежать. Воля к войне уже с шумом мчится нам навстречу - из Японии, где распространяется империализм, который может оказаться много мощнее, чем в Британской Империи. Воля к завоеваниям выражается в призывах нового национализма, который как отголосок английского гимна «Правь Британия», звучит как «Правь Япония». Для того, чтобы вы видели, что у европейских сил есть причина не пренебрегать словом «мир», не пренебрегать содержанием мыслей о мире, я хочу зачитать вам следующий гимн, полученный из японских газет:

" Как прилив по молитве Бога
Япония поднимется на утренней заре,
Прозвучит через дальние миры
Зов с голубого свода небес,
Для власти, Япония, ты рождена, —
С утренним Солнцем гордо восстань
Госпожой Земли моей я избрал тебя
Утонет Европа в своей крови;
Ненависть и слепая ярость её порвут
А ты, свободная от вины и ошибок,
Должна стать стражем этой земли.
Для власти, Япония, ты рождена.
С утренним Солнцем гордо восстань,
Госпожой Земли моей избрал я тебя".

Вот что звучит с Востока. Так отвечает Восток плавающей в крови Европе. Но и в виду этого в Европе, все же есть люди, которые хотят пренебречь призывом к миру. Это факт, который мы не смогли достаточно глубоко обдумать.